

Максим Диденко

Фигурки на стене

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Максим Диденко
Фигурки на стене

«Автор»

2022

Диденко М.

Фигурки на стене / М. Диденко — «Автор», 2022

Каково это быть не таким, как все? Это еще половина проблемы. Вторая в воспоминаниях, преследующих меня уже очень давно. В летнем лагере для детей бесследно исчезает два мальчика восьми лет. А спустя пятнадцать лет меня отправляют в тот же лагерь, в котором события позабытой катастрофы повторяются, но уже с моим участием. Содержит нецензурную брань.

© Диденко М., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Максим Диденко

Фигурки на стене

Ничто не исчезает бесследно.

Пролог

1997 год

Раз, два, три, четыре, пять.
Мы решили поиграть.
Но не знаем, как нам быть.
Не хотел никто водить!
На тебя укажем мы:
Это верно будешь ты!

Считалочка рассчитана на пятерых, но мальчик не знал другого стишка, а считать до одиннадцати, исходя из количества участвующих, ему не захотелось; или он не умел, кто знает, ведь ему всего семь, как и большинству других детей.

Поочередно указывая пальчиком на каждого из друзей, он выбирал того, кто будет водить на этот раз, не исключая и себя.

На слове «ты» он указал на мальчишку в очках и с волосами, остриженными под горшок.

– Миша, так не честно! – начал он. – Я сегодня уже водил!

– Это было утром, а уже другая игра!

– А я не проигрывал. Не хочу я водить. Сам води, понял? – не унимался мальчик в очках. – Не хочу! Не хочу! Не хочу! Считай заново!

Так вышло, что водой на этот раз стал сам Миша. Такая вот ирония. Но ни он, ни остальные дети не грустили от этого. Это же игра. Все дружно залились веселым смехом, тыча маленькими пальчиками в Мишу, хохоча и приговаривая: «Кто спорил, тот проспорил, кто спорил, тот проспорил!»

– Я тебя первым найду, вот увидишь! – слегка надув губки, пробубнил Миша, указывая на Вадика – того самого мальчика в очках и с прической в виде горшка.

День стоял великолепный: ни дуновения ветра, ни тучки на ясном голубом небе. Солнце висело высоко в зените, безжалостно припекая макушки бегающих туда-сюда по внутреннему дворику санатория детишек. Любой взрослый начал бы жаловаться на несносную жару, а ведь сезон только начался – середина июня. Где такое видано, чтобы лето, едва успев выскочить на новый календарный лист, уже жгло так, словно на дворе август?

Но детям жара нисколько не мешала. Всем известно, что дети любят солнце. Даже обливаясь потом и задыхаясь от беготни, ни один из них не предложит передохнуть и подождать до вечера, якобы, видите ли, слишком жарко. Каждый пользуется теплыми деньками на все сто процентов.

– Раз, два, три...

Миша начал считать, а это означает, что всем участвующим в игре нужно как можно скорее найти укромное местечко и спрятаться. Желательно недалеко, чтобы неожиданно выскочить из укрытия, подбежать к дереву и «застучать» себя.

– Четыре, пять, шесть...

Остальные девять мальчиков и девочек вмиг рассыпались по территории: кто в кусты, кто за дерево, кто в избушку на курьих ножках – такие в каждом детском лагере, санатории или парке устанавливают, собирая их из бревен, прямо как в сказке про Бабу-ягу. Но Вадик никак не мог определиться, где же ему спрятаться, а все самые хорошие места уже заняли. Он совсем не хотел быть обнаруженным первым, ведь в таком случае в следующей игре ему придется самому водить.

– Семь, восемь, девять...

Не дожидаясь последнего слова «десять», Вадик сорвался с места и что было сил помчался прочь.

– ...десять! Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать! Кто не спрятался, я не виноват! – обернулся и прокричал Миша, пристальным взглядом оценивая ситуацию во дворе. Он высматривал движения листьев, колышущихся не ветром, а кем-нибудь из друзей, спрятавшихся под кустом, высматривал выглядывающие из-за деревьев «флажки» – футболки да маечки, развевающиеся на ветру. Детишки знают свое дело, и никто так просто себя не выдаст.

Но у Миши зоркий глаз.

– Стуки-стуки, вижу Таню за деревом, – радостно воскликнул он и залился звонким смехом.

Подружка, огорченно вздыхая, вышла из укрытия, прошлепала к пеньку, присела, подперла голову ладошками и стала наблюдать за продолжением игры. Она знает, что в следующем кону, когда обнаружатся остальные участники, станет водой. Никому не нравится водить. Все любят прятаться. И ей оттого грустно.

Вадик все бежал, не зная, что от участи искателя его уже освободили. Он забежал в здание и по ступенькам поднялся на третий этаж. Он не знал, что туда детям нельзя, последний этаж не оборудован совсем, не обустроен. Никто туда не ходил, насколько он помнит, а значит, это отличное место, чтобы спрятаться. Искать там не станут, и это здорово, думал Вадик. Он лишь не хотел, чтобы его нашли. Хотел быть последним. Хотел выиграть.

Знал бы Вадик заранее, что его главное желание сбудется, и вовсе не затевал бы эту игру.

Он вошел в пыльный коридор. Паутина, свисающая с потолка и стен, налипла на его лицо. Но он же не трус, не боится мелких паучков. Легко смахнул ее тоненькой ручонкой и побежал дальше.

Единственная приоткрытая дверь, почти в самом конце коридора, среди множества остальных, закрытых, привлекла его внимание. Тонкая струйка света сочилась в щелку, разбивая стройный ряд летающих воздухе пылинок, переполошившихся внезапным появлением мальчика. Расползлась стрелой по полу и тянулась к стене напротив.

– Здесь меня точно не найдут! – с ехидцей проговорил Вадик, потирая ладошки.

Он заглянул в погруженную в полумрак комнату: пустая пыльная тумба с открытой дверцей у дальней стены, справа одинокая кровать с обшарпанным деревянным изголовьем, без матраса, с ржавой провисающей сеткой. И детский стульчик. Единственное окно посередине завешено плотной тканью, только верхушка была открыта, впуская частичку дневного света в помещение.

Ничего зловещего Вадик в интерьере комнаты не увидел. Он не трус, а бояться здесь некого. И ступил на порог. Напоследок бросив через плечо быстрый взгляд на пройденный путь, он вошел в комнату и плотно прикрыл за собой дверь.

– Никто меня не найдет!

Замок гулко щелкнул.

И больше не открылся.

Только вечером персонал санатория заметил пустующее место за столом в столовой. Нетронутая гречневая каша с кусочком растаявшего масла, ломтик белого хлеба и стакан компота из сушек тоскливо дожидались Вадика, так и не явившегося на ужин.

Сперва это не вызвало особых подозрений, но уже спустя полчаса были подняты на уши все работники санатория и его управляющая Валентина Федоровна Синицына. Это была молодая девушка двадцати шести лет, получившая здание от отца. Она ничего не смыслила в управлении подобного рода заведениями и не имела ни малейшего понятия, как следует себя вести при исчезновении ребенка.

Что бы это могло значить? Куда он подевался? Убежал? Спрятался? А если он поранился где-нибудь, сидит плачет и не может позвать на помощь?

На потоке этого года детей было совсем немного. Всего двадцать три ребенка. Двенадцать из которых поступили из детского дома по договоренности сторон. «Это хорошая возможность изменить обыденную обстановку для детей, обзавестись новыми друзьями, развеяться и отдохнуть, как на курорте», – в этих и в многих прочих аргументах рассыпалась молодая управляющая санатория, уговаривая директора детского приюта дать ей возможность устроить незабываемое лето сироткам, не видывавшим доселе ничего, кроме стен их привычного дома. На собственные средства, конечно же. Ни за что платить ему не пришлось бы. Ей нужны лишь довольные и счастливые детки, о которых можно было бы написать в газете, приложив к статье об успешном открытии санатория несколько черно-белых снимков с улыбающимися, перемазанными шоколадом или сливками физиономиями юных дарований подрастающего поколения.

Ее желание исполнилось, но к возможным осложнениям и трудностям молодая управляющая была не готова.

Да и Вадик оказался не из числа тех детей, которых не хватится никто, кроме директора приюта. И это добавляло неприятностей.

Дети как один говорили, что видели мальчика в последний раз днем. Рассказывать что-либо еще они боялись, чувствуя повисшее в столовой напряжение. Хотя сказать большего в общем-то и не могли. Дети играли в прятки, все прятались, но не всех нашли. Может, Вадик еще прячется? Может, не знает, что игра уже закончилась? Или же всего лишь уснул где-нибудь? Чего панику затевать? Он же мог просто сбежать, ведь так?..

Поднимать большой шум Валентине Федоровне не хотелось. Она распорядилась собственными силами обыскать всю территорию, принадлежащую санаторию, затем здание внутри, заглядывая в каждую комнату, под каждую кровать, открывая каждый шкаф и тумбу в поисках ребенка.

Но все было безрезультатно.

Поутру для поиска пришлось задействовать местные правоохранительные органы. На помощь приехал участковый поселка, к которому относился санаторий. Это был пухлый мужичонка лет сорока пяти, с густыми усами на лице и короткими ножками, обутыми в тупоносые туфли. С ним приехали двое пареньков помоложе.

Задав персоналу ряд стандартных вопросов о пропавшем мальчике, между тем повторно расспросив детей, немало веселя их своим чудаковатым видом (серьезно к исчезновению товарища никто из ребят не отнесся), они написали бумагу с описанием Вадика, которую сейчас называют ориентировкой, отправили в поселковый участок и занялись поисками.

Люди, на вид простоватые, но очень толковые и знающие свое дело, перевернули все, пытаясь найти ребенка. Они обыскали не только окрестности, попутно спрашивая о мальчугане каждого встретившегося человека, но и повторно осмотрели все то, что, по их мнению, при проверке могли упустить работницы санатория. На тщательный осмотр двух первых этажей ушла большая половина дня. Пришлось подключить всех, кто был способен помочь – комнат

в здании насчитывалось более пятидесяти на каждом из этажей. Не найдя ничего, принялись исследовать и третий.

Следы пыли, оставленные на полу третьего этажа, были замечены молодым милиционером.

Вся команда обрадовалась, что поиски увенчались успехом, ведь это уже что-то. Хотя и не знали, чего ожидать за закрытой дверью комнаты, в которую их уводили следы маленьких детских ножек.

Чтобы открыть дверь, парням пришлось немало повозиться, так как старый, за годы бездействия замок изрядно заржавел, потому не хотел поддаваться. Вскоре рычажок со скрипом провернулся, и дверь отворилась, вытягивая за собой клубы густой пыли, поднявшейся с пола.

Но комната оказалась пуста. Ничего, кроме многократно вытоптанного линолеума все теми же маленькими ножками, они не нашли.

Ребенок как в воду канул. Поиски зашли в совершенно глупый и неподдающийся объяснению тупик.

Глава 1

2022 год

Я странный! Больной или странный – как хотите, так и называйте. Но именно с этого я хочу начать свою историю, чтобы сразу расставить все точки над «i».

Почему?

Наверное, этот вопрос звучать будет чаще любого другого. И я заранее прошу за это прощения. Хотел бы сказать, что все просто, но не уверен в этом... Возможно, я слеп и не замечаю незамысловатой истины. Но каждый раз, закрывая глаза, я вижу свет. Вижу маленького мальчика, тянущего меня за руку. Слышу его смех. Все ещё. Хотя с того времени прошло уже почти десять лет! Уже без неудержимого желания нестись на третий этаж здания, которого я также десять лет в глаза не видел. И думал, что буду помалкивать об этом даже перед своим психотерапевтом. Но ошибся. Об этом позже.

Уверяю вас, я правда попытаюсь донести до вас, из чего мои странности состоят и как я до такого докатился. Но ничего не могу обещать.

Сейчас мне почти восемнадцать, без двух недель, но сколько бы времени с той поры не прошло, я вижу его, этого мальчика. День за днем. Как бельмо на глазу, как муху, мелькающую перед монитором компьютера. Проблема в моей голове, от которой мне не избавиться иным путем, кроме как понять, что тогда случилось и почему именно я.

Нет, то, что представлено в самом начале – не обо мне. Меня там не было в тот период. Я тогда, если вы обратили внимание на год, еще не родился. И, собственно, в чем причина того, что я решил дать огласку этой истории, спросите вы? Нет, не потому, что со мной якобы плохо обращались в детстве, а я вырос, окреп и созрел на месть всем причастным к этакому злодейству. Подобного у меня и в мыслях не было. Тем не менее все это тесно связано с моим прошлым и с тем летним лагерем, в который меня отправила мама с отчимом в мои восемь лет.

Я даже не знаю, с чего начать. Просто, думаю, пришло время попробовать.

Хочу заранее предупредить, я часто буду забывать, что вы еще здесь, со мной, и читаете это.

Начну с того, что мое рождение припало на то время, когда пошла мания называть детей всякими зарубежными, чуть ли не вымышленными именами. А может, их и придумывали. Я не проверял. И когда я пошел в начальную школу, со всех сторон меня окружали всякие странные дети с не менее странными именами: Агнесса, Аделаида и Милана, а еще Адриана или – самое, как по мне, нелепое для русского ребенка – Вилен. Помимо буквально двух или трех ребятшек из моего класса, с которыми я совсем не общался, одного меня – не считая Игоря – назвали обычным человеческим именем – Андрей. Тогда-то и начались мои проблемы. Мелкие детские проблемы, понятные, естественно, только детям. Или нам так казалось.

Для кого-то память – это дар и ценность, каждой крупинкой которой хочется дорожить, а каждый эпизод ее нужно любить и лелеять. Для меня же она является не чем иным, как проклятием. Да, именно так. Я помню годы своего детства так четко, будто это происходило вчера. И еженощно прокручиваю в голове отнюдь не приятные моменты, потому как у меня их было слишком мало, а всякие гадости, приключавшиеся со странным ребенком из бедной семьи. А ко всему прочему, я еще был тощим очкариком со стеклами на половину кассового аппарата, обильно усыпанного веснушками, как если б солнце меня однажды перелюбило, и с рыжей горшковидной копной волос на голове. В общем, вы должны представлять, как относятся к «не таким» детям.

Это сейчас мне те мелкие подшучивания не кажутся ничем особенным. А тогда я ой как наревелся по школьным туалетным кабинкам, когда каждый второй тыкал в меня пальцем и называл Антошкой или кротом. Бывало и похуже. Даже смешно звучит, правда? Но что самое страшное – это было заслуженно! Зрение у меня с самого детства хреновое. Я без очков не могу человека от столба фонарного отличить, прям совсем. Вот меня и дразнили: отнимут очки и давай кружиться размытыми мошками по кругу, а я не то чтобы поймать их, а даже различить не могу в долбаном пространстве. А что я сделаю? И пожаловаться особо некому было. Да и на что? Любой взрослый сочтет это за обычное ребячество, мол, таким образом детишки себе либо друзей находят, прощупывая сильные и слабые стороны сверстников, выискивая схожие черты в характерах или поведении, либо самоутверждаются, показывая тем самым, что они на вершине пищевой цепочки. И это в первом да втором классе начальной школы. Последнее из перечисленного обычно выходит в том случае, если первое не сработало. Такие дела.

В остальном по школьным моментам у меня все было достаточно неплохо. Я и учился хорошо, и книги интересные читал (не с первого класса я стал зачитываться ими, нет, гораздо позднее, но там уже и ситуация та произошла, что ну его ни фиг вообще), и фильмы познавательные – хоть и занимающие только меня – смотрел, по мере возможности. С этим делом туго было, если помните. Дисковые проигрыватели появились гораздо позже, а тогда ходили видеокассеты, на пленке которые. Засовываешь в видеомэгнитофон, получаешь на несколько секунд белый шум, мерзкий такой, противный, а потом, когда домотает до первого кадра, начинался фильм. Понятное дело, что современные дети даже и представить себе не могут, что аудио и видео раньше воспроизводилось при помощи считывающей головкой и магнитной ленты, намотанной на две бобины, которые заключались в пластиковую коробочку. Да и «кассета» у них ассоциируется сейчас совсем с другим. К слову, у меня и телевизора дома не было, и дома как такового. Увы, мне не повезло в этом плане. Голодным я никогда не сидел – мама всегда старалась изо всех сил, – но и апартаментов шикарных не видал. Мы почти всю мою жизнь прожили в трейлере, соединенном из двух вагончиков. Такой вот дом на колесах. Только колес у него не было. И домом его можно было назвать с большой натяжкой.

Так вот, возвращаясь к видеокассетам и магнитофонам, в школе, еще в самом первом классе, чтоб не забегать слишком далеко назад, но и не вырывать факты якобы из ниоткуда, скажу, что даже другом обзавелся, с которым все еще не разлей вода. Ему-то более широко судьбушка улыбалась: у него был и видик, и дивидюха потом появилась, а за ней и первый компьютер, когда они стали появляться в простонародье. У него дома я и зависал чаще всего. Родители давали ему деньги на мелкие расходы, за них мы брали в прокат кассеты с фильмами и смотрели, плотно задернув шторы. Чаще всего к нам попадали всякие ужастики в духе «Константин: Повелитель тьмы» или «Дом восковых фигур». Ох и страшно же было! Жуть просто. Но мы так гордились тем, что нам разрешали этим заниматься! Хотя родители Игоря (его я зову по-простому Гарик, так как волосы у него пепельно-серые, как и глаза, но что Игоря называть Гариком – это практика вполне нормальная, я и не подозревал. Куда уж мне, во втором-то классе) точно и не знали, что именно мы смотрим. Иначе наверняка бы прикрыли нашу лавочку, это же фильмы с пометкой «детям только в присутствии взрослых», а нам было по семь лет.

Кстати, насчет Гарика. Он-то и не против был, чтоб я его так называл. Привык почти сразу. Да и не мог он ничего возразить, потому что нужно было справедливо принимать в ответ прозвище, придуманное для него мной (не то чтобы придуманное, оно было и до меня, но ведь прозвал его так именно я) причем не такое и суровое в отличие от того, которое дал он мне.

Я не собирался рассказывать об этом, но раз уж тема зашла такая, то слушайте.

Почти в самом начале первого семестра учебы во втором классе к нам перевелся мальчик. Его почему-то посадили ко мне, хотя я не выражал в том никакой заинтересованности. Но кто ж спрашивал-то, верно? Как раньше было? Учительница прошлась взглядом по головам,

прикинула, подбородок почесала и начала жонглировать детьми, сперва так рассадить, потом этак. Некоторых то на первую парту сажала, чтоб лучше видеть, как мелкий в носу ковыряется, наверное, то на галерку (так наша классная называла последние парты) высылала – с глаз долой за плохое поведение.

В общем, мальчик этот, которого ко мне посадили, был вроде как местный, потому что учительница назвала его русским именем и фамилией, когда знакомила с классом. Но говорил он с какой-то примесью, частично английскими словами. Кичился, мол, его мама здешняя, а вот папа англичанин и научил его своему родному языку. Потом я удостоверился, что он немножко преувеличил, потому что и на русском не очень-то стремился учиться разговаривать, как, собственно, и все дети. А изучать другие языки вообще мало кто в таком возрасте захочет.

Начало одиннадцатого утра. Идет урок, учительница что-то рассказывает, надрывается, старается изо всех сил научить нас, бездарей, хоть чему-нибудь. А мы уставшие, ленивые, сидим и зеваем, кто о чем думаем. Солнце в окно шпарит, как сумасшедшее, глаза слепит. Жарко, спать хочется до невозможного. И скучно еще в придачу. А сосед мой по парте сидит и пялится на меня, будто на мне грибы растут. А потом возьми да и ляпни: «Санни!» Я сначала не понял, что за ерунду он сморозил. Переспросил, ну он и повторил, сказав, что теперь будет называть меня Санни.

Классная, конечно же, услышала нашу беседу и подняла нас, расспрашивая, о чем таком мы болтаем, что интереснее темы вычитания простых математических чисел (извините, насчет математики я сымпровизировал, ведь чего-чего, а предмета, якобы изучаемого нами в тот момент, хоть убейте, не помню). Ну он и выложил все как на духу, рассказав, что рассматривал ярко-белые солнечные блики, падающие на мое веснушчатое лицо через очки – зайчиков. Ну и, глядя на это, ему на ум пришло слово «Санни». Весь класс покатился хохотом, хотя, я абсолютно уверен, никто и малейшего представления не имел, что это слово на самом деле означает. Но поржать – дело, конечно же, святое.

Учительница тогда слегка улыбнулась и усадила нас обратно, попросив впредь вести себя потише. Но этот день вошел в мою личную историю очередным ужасом – я из Андрея превратился в Санни. Потом я узнал, что это означает «солнечный» или «освященный солнцем». Проще говоря – солнышко, блин! Представляете этот кошмар, когда несколько десятков мелких говнюков хором зовут тебя «солнышко»? В нашей школе на тот момент было три вторых и два третьих класса. Многие между собой общались и дружили, потому молва о рыжем очкастом солнышке разлетелась вмиг.

А вот Игорю это очень понравилось. И я ему, видимо, тоже понравился. Нет, не думайте даже ни о какой романтике, фу, правда! Дети же, ну!

Он, наверное, заметил, что со мной никто не общается. На переменах я ни с кем не кучковался, как это делали все остальные дети, сбившись в группки по три или пять человек. А сидеть в классе не разрешали – классная зачем-то нас всех выталакивала погулять на перемене по коридору, а лучше на улицу выйти и подышать свежим воздухом. Игорю тоже еще не с кем было поговорить, а так как он пока что контактировал только со мной, пусть и в достаточно странной форме, то решил с меня и продолжить знакомство с новой школой. Как сейчас помню, он спросил, действительно ли у меня плохое зрение и как это вообще по ощущениям. Я снял очки и попросил его показать мне несколько пальцев. Когда я трижды ошибся в их количестве, он рассмеялся и предъявил мне, что я шучу. Якобы не бывает такого, чтоб человек ну прям настолько плохо видел. А смех, как всем известно, дело заразительное. Так мы и подружались с Гариком. С тех пор я только с ним и общался из ровесников. В его компании было гораздо легче преодолевать детские трудности, потому как лишь он меня и понимал. Точнее сказать, ничего особо из ряда вон выходящего в моем мире не происходило – все как нельзя просто: кто-то доколупался, чем и испортил настроение, а Игорь парнем бойким был, потому всегда себе в радость заступался за меня, лишь бы отмутузить кого-нибудь; или же

сам себе чего накручу в голове, чего нельзя ни объяснить нормальному человеку, ни распутать самостоятельно – мне так казалось. Потому и делил все с единственным другом, с которым мы, как говорится, сквозь года в огонь и воду. Только он меня понимал? Не знаю... Понять мог, наверное, любой, но именно он хотел понимать, а я хотел слушать и слышать его. Потому у нас и завязалась крепкая дружба. Та сама, которая не на словах, а на деле. Вы счастливы, если знаете, что такое настоящая дружба.

Также именно он поддерживал меня в тот период, когда со мной случилось то, что случилось. Что? Нет, я не пытаюсь юлить или говорить загадками. Я просто и сам все еще не понимаю, почему все произошло вот так и почему именно со мной.

И годы шли. И те времена тоже прошли. И я уже не тот, и жизнь уже совсем другая. Но проблема из головы никуда не делась. Пролетела гребаная куча лет, а я по-прежнему каждый день терзаюсь теми же мыслями и вопросами, во главе которых вопрос «почему?»

Теперь я достаточно рослый парень. И пускай на моих костях все еще висят шмотки, будто на тремпеле – худой как щепка, – однако я приобрел более-менее человеческие очертания. Да, все такой же рыжий, с интересными повадками, но не забитый и не закомплексованный (в чем непосредственная заслуга Гарика, спасибо ему за это).

– Ты просто заколебал, Санни, ну! Когда ты уже научишься загибать трехэтажным или сразу бить в морду, вместо того чтобы разговоры свои разговаривать, пытаюсь достучаться до мелкого орешка, что между ушами у задирающих тебя кретинов находится? – говорил мне Гарик каждый раз, когда я совершенно непонятным для себя образом влипал в очередную странную историю с каким-нибудь говнюком из нашего или соседнего района.

Да, я учусь понемножку, правда. Просто я всегда был убежден, что многие вопросы можно решить словами, а не кулаками...

Даже веснушки с лица почти все сошли, представляете? Я и не знал, что они могут куда-то деться. Мне поначалу казалось, что это клеймо придется носить вечно, что это подаренное мне солнцем – или из-за чего они там появляются? – проклятие будет преследовать меня всю жизнь. Но нет! Знали бы вы, как я этому радовался, день за днем замечая, что их становится все меньше. Может, дело в питании? Не знаю. Да ну и ладно.

Единственное, что осталось во мне абсолютно неизменным, говоря о внешности, это очки в толстой оправе. Без них я совершенно ни хрена не вижу – слепой как крот. Только сменил я их с обычных на бифокальные, чтоб не носить с собой по два или три футляра очков для чтения и работы за компьютером (или залипанием в телевизор, да), ну и другие, для всего остального общения с окружающим миром. Вот приобрел такие, знаете, может, в которых линзы разделены надвое горизонтально. Верхний сегмент помогает видеть предметы на большой дистанции, а нижний – на ближней. Все просто.

С образованием вообще ничего хорошего не сложилось – сплошная невезуха. Я хотел после школы поступать на кинематографический факультет, а в итоге пошел на журналистику, и то шансы стать настоящим специалистом в этом ремесле у меня крайне малы, как и у всех остальных моих одноклассников. А вот бегать с камерой за одним из журналюг – аж бегом. Меня это, конечно, мало чем привлекает, но лучшего моя мама с тем долбаным отчимом, чтоб ему неладно было, позволить не могли. Пришлось брать что дают. Но и тут я смог неплохо себя показать, как мне кажется. Выхватил бюджетное место, обогнав по вступительному баллу троих умников из моей школы. Даже стипендию получаю, ага! Я оттого и пишу достаточно грамотно, пусть и не совсем (и если я в чем-то ошибаюсь, не судите строго), потому как учусь в целом неплохо – двоечники стипендию не получают, а у меня иногда и повышенная бывает, за хорошие отметки. Хоть и не каждый месяц. Стипендия... Не в американском варианте, нет. Честно сказать, я даже не знаю точно, как это происходит там, «за бугром», как любит говорить отчим. У нас же это небольшая сумма денег, выплачиваемая старающимся держаться на достойном уровне, в плане маленьких ежемесячных и более крупных ежеквартальных внут-

ренных аттестаций, студентам. Проще выражаясь, о лучшем я и мечтать не мог, не в моем-то положении – выходец из трейлера, растущий без отца и донашивающий шмотки... А чьи я, кстати говоря, шмотки донашивал в детстве? Откуда мама их брала? «Секонд-хенд»? Фу, лучше бы я этим вопросом не задавался...

Тогда и смог начать выделять средства на психолога, когда денежка хоть какая-то стала появляться. Годы ведь идут, а проблема остается. А решить ее самостоятельно я не могу. Сколько бы лет не миновало, а иной раз такая депрессия накроем, что не до учебы совсем. Не знаю точно, как это состояние называет медицина, но мне чаще плохо, чем хорошо, если это «хорошо» вообще бывает. А потом, когда отпускает, приходится наверстывать упущенное. И мне это дается, скажем так, просто. Я не имею таких воров времени, как фальшивые друзья – у меня из друзей есть только Игорь, хотя и он иной раз тянет меня в такие авантюры, что не пожаловаться и не похвастаться, – наличие которых влечет за собой тусовки в ночных клубах вместо домашки и отлеживание в кровати до десяти утра с не абы какой головной болью от похмелья, между прочим, вместо того чтобы успевать к первой паре и заниматься каким-нибудь развитием. Хоть каким-нибудь! Но из-за этого я часто зарываюсь в свои воспоминания. Это помогает мне не только абстрагироваться от всего мира, но и лучше понимать себя, разбираться, почему я стал тем, кем стал, и как со всем этим бороться. Жизнь... Что это за рыба и с чем ее едят?

Глава 2

Наверное, каждый человек время от времени сталкивается со своего рода трудностями на жизненном пути. И ведь находит выход, верно? Бывает очень сложно, даже кажется, будто весь мир против тебя, но в какой-то момент приходит то ли озарение, позволяющее оценить всю картину происходящего как бы со стороны, тем самым и увидеть способ решения проблемы. Или хватается за протянутую в последний момент руку помощи, когда сил уже оставалось и на вдох. Ситуации всякие бывают. И почти все находят из них выход. Почти. Кто-то спивается или садится на наркотики, чтоб абстрагироваться от этого мира, кишящего злобой, ненавистью или, что самое опасное, безразличием; кто-то уходит в дикий спорт, занимаясь дайвингом, альпинизмом или экстремальной ездой на велосипеде. А есть и те, кто кончает с собой, вскрывая вены или прыгая с моста на добела раскаленную под палящим солнцем гальку, насыпанную меж рельсов, ломает кости, а затем превращается в фарш под колесами несущегося на бешеной скорости товарняка – тут уж кому что по душе, а на вкус и цвет, как говорится, все фломастеры разные.

Я же решил воспользоваться первым из вариантов: ухватиться за протянутую руку помощи. Точнее, попросить, чтоб эту руку мне протянули, за денежку, конечно же. Нынче бесплатно могут только в душу нагадить и заткнуть отверстие скомканной бумажкой, чтоб не воняло.

К концу лета, когда я в очередной раз собирался навестить маму перед началом нового учебного года, я попрощался с вахтершей при выходе из общежития и направился к автобусной остановке. Ждал все никак не торопящегося ко мне транспорта. Уже думал вызывать такси, потому что единственный автобус, который мог меня довезти тем субботним утром (а для некоторых уже днем), судя по расписанию, запаздывал уже на целых двадцать пять минут. Я выругался и зашел внутрь остановки, чтобы спрятаться от ветра и поискать в контактах номер какого-нибудь местного таксиста. Но мое внимание отвлекла рекламка с отрывными телефонными номерами, написанная от руки шариковой ручкой. На ней говорилось об услугах частного психолога, помогающего справиться с депрессией, навязчивыми идеями, подавленностью – если таковые есть – и прочими признаками морально не совсем здорового человека.

Помню свою реакцию. Я прыснул, как кот от лука, приговаривая: «Да кому, на хрен, нужен этот психолог? Хоть кому-нибудь он может помочь вообще?» Я и правда не знаю, какой с него толк. Он что, посоветует мне не хандрить, найти хобби и не ныть как баба. А потом озвучит прайс, заберет половину моей стипендии, мило улыбнется и скажет: «Жду тебя на следующей неделе в то же время!» Мне такая терапия и даром не сдалась. Как минимум потому, что придется выплакиваться какому-нибудь дяденьке о том, что щемит на душе, а он будет оценивать мое состояние по шкале от одного до десяти, чтоб определиться с диагнозом. А если я не больной? Но он-то все равно станет рассматривать меня как пациента, а значит, для него я не кто иной, как больной человек, которого нужно лечить! Черт, да любая собака, если ее выдрессировали нападать на людей, будет считать каждого попавшегося на глаза именно мясом. Она не станет спрашивать, можно ли слопать этого? Нет? А почему? Он же вроде как пахнет точно так же, как и все остальные, такой же мешок с костями, мясом и жиром.

– А мне очень даже помогла однажды, – услышал я голос какой-то женщины лет сорока с копейками за своей спиной – возраст я прикинул, когда обернулся и взглянул на нее. – Извини, что напугала тебя.

Я и правда испугался. Не заметил, как она подошла к остановке и подкралась сзади. Гребаный ассассин! Вслух я, конечно же, этого не проговаривал, к счастью, а то было бы совсем неловко. Хотя что-то я все-таки проговорил, иначе вряд ли бы она вмешалась со своими мыслями.

– Когда моего сына забрали в армию, – продолжала она, – я о нем ни сном ни духом была несколько месяцев. А потом к моему дому приехали ребята. Они сказали, что моего Митьку убило. Взорвался на mine.

Мне казалось, что любая нормальная мать на этом моменте разрыдается и упадет на плечо первому попавшемуся слушателю, но эта женщина лишь мило улыбалась, а в глазах горел такой яркий свет, будто она не кровинку свою потеряла, а носовой платочек, который совсем не жалко. Мне стало интересно. Я ничего не сказал. Не успел. А она, не знаю, может, чего увидела в моем взгляде, или изначально у нее был план рассказать мне все, что на душе ее скреблось, но она продолжила говорить. Повела о том, как сложно ей давалось осознание, что сына больше нет, как он мерещился ей в каждой похожей прическе парней, какая была у ее сына, в каждой смехе под окнами. Ей долго казалось, что это страшный сон, что она сейчас проснется от скрипа входной двери, а на пороге покажется ее дорогой Митька, и все будет прекрасно. Но этого все никак не происходило.

Женщина выдержала небольшую паузу, снова, наверное, замечая неподдельный интерес в моих глазах. Не знаю, что она в них могла увидеть, но я лишь сравнивал ее ощущения со своими собственными – меня всегда учили ставить себя на место человека, чтоб понять его чувства, вот я и попробовал. Затем кивнула на боковую стенку остановочной будки и сказала, что именно эта девушка, психолог, помогла ей справиться с последствиями личной катастрофы. У нее какая-то своя методика, с помощью которой можно докопаться до истинной причины проблемы, уловить ее суть и, если не избавиться совсем, то хотя бы купировать, основываясь на осознании фундаментальных вещей, таких как: «Дети – гости в этом мире» или «ничто не вечно под луной». Фигня какая-то, ну правда! Нет, я не помню дословно, о каких таких истинах она говорила – не шибко вслушивался, – но что-то в этом смысле точно было. Я вот совсем не понимаю, как можно купировать отчаянье, нахлынувшее из-за потери единственного сына (не похоже, чтобы у нее их было несколько, и она просто переключила сознание, научившись жить дальше, как по мановению волшебной палочки, хотя кто знает), но бодрость духа женщины странным образом внушила мне какое-то подлинное доверие к этому чудо-психологу.

Слушая ее, я так ничего и не сказал. Молчал как рыба об лед. Только обернулся вслед за ее взглядом, направленным на рекламку, и стал новыми глазами вчитываться в рукописный текст.

Тетрадный листок в клетку все еще был темноватым от невысохшего клея ПВА, а отрывные номерки развевались на ветру, как бахрома на старом бабушкином покрывале у Игоря дома. Я немного взгрустнулся от этой мысли, потому как своей бабушки я никогда не знал. Мама моей мамы ведь, а я даже не представляю, где она и что с ней; жива ли вообще? Но быстро пришел в себя, увидев подъезжающий автобус. Он остановился и распахнул передо мной двустворчатую дверь-гармошку. Времени на подумать больше не оставалось, потому я сорвал один из номерков, поблагодарил женщину за историю и совет, хоть и не был уверен, что позвоню по оторванному номеру телефона – я взял его больше из-за вежливости, что ли, как бы показать, что ее слова меня якобы вдохновили, а послушав ее, воспользуюсь советом, – и запрыгнул в салон.

Я тогда и забыл сразу об этом листике. Засунул его в задний карман бриджей, из другого вытащил полтинник и оплатил проезд. Когда я обернулся, на меня, как, собственно, и всегда, пялилось порядка десяти пар глаз, будто никогда рыжего худого парня не видели. Бесят!

Я протолкнулся между двумя плотными рядами бабулек с базарными сумками, буквально перекатился по волосатой спине какого-то потного мужика в майке, добрался до заднего дивана и плюхнулся на загубевшую и изрядно затертую жирными задницами обивку сиденья.

Мне тут же захотелось помыться, будто меня касались не взгляды, а грязные и вонючие руки, перемазанные отходами. Но куда уж тут денешься? Приходилось терпеть как есть. А чтобы хоть как-то абстрагироваться от окутывающего неприятного ощущения, я вынул листок

с номером телефона и стал думать, о чем бы меня могла спрашивать эта психолог, попади я все ж к ней на консультацию или прием, не знаю, как это у них называется. Наверное, правильное будет сказать сеанс. «Итак, Санни, ты видишь призраков, о'кей. Принимай эти таблетки три раза в день после еды, и вскоре все пройдет». Я всегда скептически относился к людям этой профессии, хотя и совсем не понимал, в чем вообще заключается их работа. В фильмах видел, как ты заходишь в приятно обставленную комнату, пахнущую жопками индонезийских зверушек, ложишься на кушетку, умащиваешься головой в мягкую подушку, скрещиваешь руки на груди и, глядя в потолок, рассказываешь о том, как тебе трудно жить в этом непонятном для тебя мире какой-то девушке в прямоугольных очках в тонкой оправе, со строгим хвостиком из собранных волос на голове, в белой блузе, юбке-карандаше и туфлях на высокой шпильке. Она что-то записывает в своем блокнотике, то и дело перебрасывая ноги с одной коленки на другую и периодически делая умный вид. Затем она что-то спрашивает – обычно это какие-то наводящие вопросы, дает дельный совет, выносит вердикт и говорит, что до конца сеанса у нас осталось десять минут, потому ты можешь либо проваливать к чертовой матери, а затем возвращаться через неделю для продолжения, либо пососать конфетку со стеклянной вазочки на столе и молча повалиться на диванчике, пока она вносит в блокнот какие-то заметки и результат анализа твоего психического состояния, чтобы позже обсудить ситуацию на собрании коллег мозгоправов.

И знаете что? Мне в тот момент настолько стало интересно убедиться в своей правоте, что я плюнул на визит домой и на следующей остановке вышел из автобуса. Сперва я прикинул, сколько у меня есть денег, чтобы в случае чего не остаться с носом, затем набрал с листика номер телефона и позвонил.

На том конце я услышал на удивление приятный женский голос. Будто со мной говорила девушка лет двадцати четырех. Я чуть было не хихикнул в трубку, думая, чему меня может научить такая девочка? Да, она явно старше меня на несколько лет, но ей же не сорок с копейками, а за плечами еще двадцатка живого опыта работы с психически неуравновешенными людьми. Я одернул себя, понимая, что пошел уже не в ту степь, ведь реальными психами занимаются не психологи, а психиатры. Но из-за всех этих мыслей пропустил заданный девушкой вопрос.

– Извините, связь плохая, можете повторить? – попросил я, пытаюсь выкрутиться из неловкой ситуации.

И она снова запела своим ангельским голоском.

Так мы и познакомились с Ириной Сергеевной, девушкой тридцати двух лет, как гласил полис и несколько благодарственных грамот и сертификатов об очередных повышениях квалификации в рамках на стене ее кабинета. Я приехал к ней в тот же день – у нее было свободное время, окно, как называют, потому согласилась меня принять прямо в тот же час, указав адрес, по которому мне следует подъехать для первичной консультации.

Девушка эта оказалась на удивление приятной во всех смыслах. Она и выглядела очень даже привлекательно, имея все характеристики того самого «моего типажа», как говорят некоторые, наверное, в своем большинстве, заносчивые люди: стройные длинные ноги, темные волосы, глаза карие, пухлые губы. Не скажу, что влюбился, нет, ведь я пришел к ней совсем не за этим; да и куда мне-то, очкарику рыжему. Все сугубо профессионально. Но насчет очков и юбки-карандаша, не считая высокой шпильки, я не ошибся, представляя ее внешний вид. А кроме внешности... у нее был достаточно приятный голос, чтобы чувствовать себя в своей тарелке. Он располагал, позволял расслабиться и ни о чем не переживать. Если задуматься, имею в виду, если кто-нибудь спросит, каким он должен быть, чтобы помогать не переживать и расслабляться, то никакого описания я дать не смогу; если только на диктофон голос этого психотерапевта не запишу. Вряд ли меня за такое по головке погладят, потому это сказано

было фигурально, конечно же – не собираюсь я записывать наши разговоры. Причин хватает, понимаете ли.

– Как дела? – спросила меня Ирина, дождавшись, пока я усядусь в предварительно указанный мне раскрытой ладонью мягкий велюровый диванчик посреди кабинета. Или это даже не кабинет? Слишком уж уютно и по-домашнему все обставлено.

Она сама сказала, что, если мне удобно, я могу называть ее просто Ирина, без всяких Сергеевна. Я был не против. Мне даже выкать особо не хотелось – не люблю я это дело, – но тут уж как заведено, так и пляшем.

Что на это ответить? Да нормально у меня дела, спасибо. А у вас как? Нет, так точно не пойдет. Она спрашивает ведь явно не о том, как прошел мой день и чем я завтракал сегодня. Ходи я регулярно на такие консультации, может, и знал бы, чего лучше выдать на вот подобный вопрос психолога, с помощью которого он в итоге попытается понять, а потом и обуздать мой внутренний мир.

– Эм-м, – протянул я, реально не понимая, с чего начать. Я был в курсе, что она от меня ожидала, но не мог вот так сходу правильно ответить. Да и боялся накосячить. Я еще и проговорился, что меня зовут Санни, а лишь потом исправился на имя Андрей. Теперь вместе с просьбой рассказать о себе она захочет услышать и о том, как вышло, что я получил такое прозвище.

– Слушай, Санни... Ведь так тебя друзья называют?

– Ага.

– Ты не против, если я буду звать тебя Санни? Мы вполне могли бы с тобой стать друзьями, как считаешь?

Что? Это такая «особая методика»? Пока мне совсем не понятно, что все это значит. Но раз уж так нужно, тогда ладно.

– Наверное, – несмело ответил я, ткнув указательным пальцем в очки между линзами.

– Хорошо, Санни, мне хотелось бы понять, с чем ты столкнулся, чтобы знать, как мы сможем тебе помочь.

– Мы? Я не только с вами буду общаться? – Я приподнял одну бровь в недоумении, а затем почему-то занервничал и подорвался с кресла, заторопившись к выходу. – Наверное, зря я сюда пришел. Извините за потраченное время, Ирина Сергеевна. Я не... Блин, я...

Честно сказать, я сдрейфил. В тот момент я больше совсем не понимал, для чего ей позвонил и зачем вообще пришел. Мне было до ужаса стыдно и почему-то страшно. Почему? Не знаю, правда. Может, я просто оказался слишком близко к тому, чтобы поделиться с кем-то своей проблемой, хотя раньше даже не представлял себе такое возможным. Казалось, меня просят раздеться у всех на глазах – настолько интимно ощущал я свои внутренние сомнения и переживания.

– Санни, притормози, – проговорила она громче, чем я ожидал. И я остановился, не решаясь оторвать взгляд от паркетного пола.

Она подошла ближе и очень осторожно коснулась рукой моего плеча.

– Только со мной. Можешь быть уверен, никто и ни при каких обстоятельствах не узнает, о чем мы с тобой здесь говорили. Закон и врачебная этика...

– Да, слышан я об этом. Я просто не понял... – Я попытался взять себя в руки, но мой голос заметно дрожал, если сравнить его на момент, когда я только пришел.

– ...я имею в виду, что мы с тобой вместе постараемся разобраться в твоём вопросе.

– А, ладно.

Что ж, это уже что-то. Новый уровень знакомства с внешним миром, подумал я тогда. Мне раньше не приходилось ни с кем, кроме Гарика, делиться своими переживаниями. Точнее, сначала я пытался, но меня психом называли, а то и чего похуже.

– Хочешь воды? Может, чаю?

– Я не знаю... Неловко как-то. Воды, наверное, если можно.

– Санни, я буду чай. Если хочешь, я заварю и тебе. Расслабься, я не кусаюсь.

Честно сказать, я совсем не такой себе представлял мозгоправа. Я думал, меня на пороге встретит на вид если не физик-ядерщик с большими выпученными глазами, в круглых очках с толстенными линзами и светоотражателем на голове, то как минимум человек строгих порядков, а потому суровый и жестко принципиальный, который будет видеть во мне только пациента с больной головой, стенографировать каждое мое слово на листок в деревянной планшете, чтобы потом заняться глубоким анализом настроения моих внутренних демонов.

Эта же девушка совсем сломала все мои стереотипы насчет психотерапевтов. Не знаю только, мне надеяться, что она ведет себя так лишь со мной, или наоборот – таким образом предпочитает работать со всеми своими посетителями?

– Лимон?

– Эм... Что?

– Чай, спрашиваю, с лимоном пьешь? И сахара сколько?

На этом моменте я просто офонарел! Даже ущипнул себя, чтобы удостовериться, что не сплю: я – рыжий очкастый ботан – пришел на прием к сексуальному психотерапевту, который предложил выпить вместе чаю и поболтать по душам? Мне пришлось тогда хорошенько встряхнуть головой, чтобы прогнать дурные мысли и здраво оценить ситуацию: она специалист, знает свое дело, а потому, увидев, как я занервничал, решила по-человечески снять накал и позволить мне довериться ей. Вот и все. И нечего здесь выдумывать.

Я закрыл глаза и несколько раз глубоко вздохнул.

– Да. Одну ложку, пожалуйста.

Когда Ирина принесла чай, мы снова расселись по своим местам и начали все заново, но уже в более обыденной обстановке. Мне стало гораздо легче. Я стал относиться к этому как к дружеской встрече. Не прям сразу меня отпустило, конечно же, но уже через полчаса нашей беседы мы смеялись и свободно болтали, будто знакомы и не день, и даже не неделю.

Тогда-то я и понял, о чем мне пыталась сказать та женщина на остановке. Такой способ расположить к себе собеседника работал как швейцарские часы или как автомат Калашникова – безотказно. Даже не представляю человека, который после такого не захотел бы выложить всю свою жизнь как на духу.

И я выложил.

Она повторила вопрос, а я, решив все же ответить на него, уточнил, сколько стоит ее время и как долго мы сможем еще говорить, имея в виду сегодняшний сеанс. Все потому, что рассказ мой мог затянуться на добрых полчаса, а то и больше. И она с легкостью заверила меня, что об этом, по крайней мере, сегодня, я могу не переживать. Но на все последующие сеансы нам будет отведено лишь пятьдесят минут – не больше.

Единственное, что она спросила у меня, перед тем как я начал, не буду ли я против, если она запишет мой рассказ на диктофон, чтобы иметь возможность переслушать позже, когда какие-нибудь моменты потребуют более детального разбора. И я согласился.

Щелчок кнопки, начало записи...

Глава 3

2012 год

В первых числах июня две тысячи двенадцатого мама с отчимом, как и за год до этого, отправили меня в летний лагерь. В тот самый бесплатный лагерь, который открыли на территории старого советского пансионата «Жемчужный». Наверняка многие о нем что-то да слышали.

Это было захудалое местечко со скудными естественными развлечениями для детей. Ничего особенно интересного: качели во дворе, наполовину вкопанные в землю задние колеса от тракторов, кусты с деревьями и несколько уставших воспитательниц, которым выплачивается мизерное жалование государством, собственно, оно же и направило их на эту работу от центра занятости населения. Они потому, конечно же, и не стремились выполнять поручения добросовестно, но и не совсем уж халтурили. Впрочем, что здесь еще сказать – бесплатный детский лагерь, в котором название говорит само за себя.

Тем не менее это место – отличная возможность поставить галочку в блокноте своих личных родительских достижений, якобы устроив ребенку отпуск, – как мне стало ясно со временем. Меня привезли сюда именно по этой причине. Мне редко кто правду говорил, кроме Джилл. Я тогда называл ее тетя Джилл. Она единственная, кто общалась со мной будто со взрослым, хотя я и был мелким шалопаем. Не глупым, но ведь ребенком, как ни крути.

Я и сейчас помню тот момент – только не представляю, почему вообще обратил на это внимание, – когда мама общалась с управляющей Валентиной Федоровной. Хорошая женщина, мне она еще с первого раза понравилась: добрая, ласковая, всегда улыбалась и интересовалась, как наши дела и не случилось ли чего-нибудь нехорошего, если мы в какой-то момент начинали грустить. Она одна действительно старалась для нас, а остальные выполняли работу как из-под палки – совсем спустя рукава. Мама тогда почему-то заметно нервничала, то и дело поглядывая на отчима какими-то странными глазами, будто чего-то боялась. Не знаю даже, как я это запомнил, но эти глаза... Они, казалось, что-то прожгли в моей голове, какую-то отметину оставили. Но самого разговора между ними я не слышал. В кабинете у Валентины Федоровны был такой классный уголок с роботами из «Трансформеров» и разными машинками. Я нигде даже похожих не видел, кроме как у Игоря дома – у него-то всякие новинки появлялись чуть ли не у первого в нашем классе. Вот же повезло ему, ну!

Пока взрослые сидели за большим столом с кучей бумажек и о чем-то разговаривали, я пытался насладиться тем, чего в моей жизни катастрофически не хватало. Я так хотел забрать себе все те игрушки, что прямо отказывался выходить из-за ограждения, если мне не позволят вынести оттуда хоть какого-нибудь из Дисептиконов. Даже, помню, истерику завел – настолько не хотел бросать полюбившихся мне за эти несколько минут роботов. Единственное, что сработало на сложившуюся ситуацию как нельзя лучше, это заверение, что в общей игровой комнате гораздо больше различных игрушек, чем здесь, и что там я смогу взять себе совершенно любую и хоть все следующие месяц или два, в зависимости от подписки, играть с ними сколько душе угодно, даже не выпуская из рук, и в кровать разрешила брать, если мне так захочется.

И я поверил. А почему нет? Все оказалось правдой, и я ни в чем не разочаровался, кроме...

Со мной на потоке приехало еще с два десятка ребяташек. Практически все настолько радовались предоставленной им возможности сменить привычную наскучившую обстановку, как мне казалось, чем-то новым для себя. Они все тут же стали подходить друг к другу, пере-

говариваться, хвастаться, у кого что есть и показывать, что из себя представляют. Сразу видны стали определенные группки по несколько человек – все как можно скорее искали свою стаю. Только я один, как ни странно, не знал, к кому примкнуть. Мне не хватало своего друга, того единственного. А остальные меня мало интересовали. Все эти дети... Наверняка они тоже не впервые бывали в подобных местах, хоть знакомых лиц среди них я не встретил; или я просто забыл, ведь мы так быстро растем и меняемся, что за этим процессом совершенно невозможно уследить.

Когда все бумажные вопросы по приему нового потока этого года были улажены, а взрослые, распрощавшись со своими чадами, уехали, всех нас собрали на заднем дворе здания санатория и приступили к знакомству.

Я как бы со стороны наблюдал за всем происходящим. Я видел несколько небольших кучек малышей, рассеявшихся на зеленой мягкой траве. Мало кто обращал внимание на женщин – сейчас я бы сказал девушек или даже девочек, будь мне чуть больше хотя бы двадцати пяти лет на тот момент, – прохаживающихся между нами с тетрадами, пересчитывая и отмечая каждого присутствующего. Они называли нас по именам и фамилиям и просили поднять руку – стандартная процедура подсчета голов, как в коровнике, только там скот не выкрикивает «туточки я, здесь», а мычит, когда хозяин называет его имя. В остальном все было идентично.

Следующим этапом стало знакомство с персоналом лагеря, чтобы мы знали, к кому и по какому вопросу можно обратиться. Затем началось распределение коек и прикроватных тумбочек для личных вещей и экскурсия по комплексу: здесь столовая, здесь туалеты и душевые, тут у нас игровая комната, а сюда ходить нельзя, потому что я так сказала. Насчет последнего, конечно же, речь шла о лестнице, ведущей на третий этаж здания. Первый и второй рассчитаны для детей постарше и помладше соответственно, но никому из нас в строгом порядке не разрешалось подниматься на третий этаж. А ограждала от этого лихого злодейства всего лишь тоненькая полиэтиленовая ленточка, на которой что-то написано большими красными буквами. По всей вероятности, это должно было стать преградой для какого-нибудь любознательного мальчугана. На деле же она скорее манила к себе, как на корриде красная тряпка в руках тореадора привлекает быка.

– А почему нельзя туда ходить? – спросил, помню, кто-то из детей. А в ответ ему прилетело лишь суровое и не предполагающее оговорки: «Я так сказала, а значит, туда ходить строго-настрога запрещено, ясно вам? Больше и слышать об этом не хочу!» Это была серьезная и бескомпромиссная женщина, которая одним своим видом внушала страх каждому, на кого посмотрит без улыбки. Может, все дело в ее необъятных габаритах и грубом баритоне. Она была, наверное, самой старшей из всех работниц санатория, потому и показала всем нам – не уверен насчет остальных, но мне-то уж точно – самой грозной и опасной среди прочих надзирателей. Да, мы считали этих тетенок именно надзирателями, как при тюремных порядках. А эта Татьяна Витальевна была их предводителем – заведующей хозяйственной частью всего комплекса, как я позже понял. Может, я и сразу слышал это определение, но явно не запомнил его с первого раза, да и не понимал, что это, собственно, означает; и не все ли равно восьмилетнему ребятенку?

После отбоя Валик, сосед по койке, рассказывал мне и еще двум мальчикам, которых поселили к нам, что здесь еще куда ни шло с распределением детей по комнатам, ведь в других лагерях, где им приходилось отбывать срок, как они выражались – смешно звучит, да, но что-то в этом есть, – все койки располагались в одной огромной комнате. Человек так по тридцать, а то и больше, спали кучей. Точнее, их заставляли спать, но кто же в таком возрасте любит тихий час? Верно, никто! А с наступлением ночи все становилось еще хуже. И воспитателям приходилось их мотивировать всякими вкусняшками или разнообразными особыми развлечениями на предстоящий день, которыми, в чем они упорно убеждали мальцов, чествуют только самых послушных и смиренных, подчиняющихся местным порядкам ребят. Ничего действи-

тельно особенного им не предлагали, конечно же, но таковой была политика учреждения: они ведут себя хорошо, за это их балуют всякими ништяками, а если плохо, то все равно балуют, но говорят, что могло быть и лучше, потрудись они соответствовать общепринятому мнению и ожиданиям.

Наш же распорядок дня в «Жемчужном» регулировался самой Валентиной Федоровной. Она каждое утро, сразу за тем, как нас будила Матвеева – так мы называли одну из ночных дежурных женщин, следивших за порядком, пока мы спим, – приносила деревянную доску, на которой схематически расписывала то, что считала планом на день для всего отряда шалопаев, гостей ее лагеря. Рисовала мелком маленьких человечков, сбивая их в веселые группки, дописывала разнообразные фразы, которыми характеризовала род занятий. Например, первые три часа после завтрака мы купаемся, чистим зубы, затем идем на задний двор и делаем зарядку, плавно перетекающую в какую-нибудь общеразвивающую подвижную игру, рассчитанную на противоборства нескольких команд. Соревнования, иными словами. Далее обедаем, два часа спим, потом получаем по паре печений с чаем и еще два или три часа свободного времени на свои личные интересы. Каждое утро она выдумывала что-то новое, или нам так казалось (вполне возможно, что график был расписан заранее, а весь спектр разнообразий основывался на еженедельном повторении одних и тех же планов), потому что скучать нам точно не приходилось.

Всем, кроме меня, совершенно «не такого» мальчика.

Мне неинтересно было проводить время с окружавшими меня детьми. Они все казались какими-то плоскими, скучными, даже глупыми. Разве таким должен быть ребенок? С ними всеми явно что-то было не так. Постоянные странные споры, выяснения. И почему-то в их жизни я не увидел ничего важнее, чем разрешение абсолютно не имеющих смысла задач и вопросов, например, у кого игрушки лучше, у кого смех громче, кто прыгает дальше. Я тоже не научными исследованиями занимался в восемь лет, но все вышеперечисленное и тому подобное находил крайне глупым и бессмысленным. Мне постоянно чего-то не хватало. Каждый час для меня длился днем, а неделя – месяцем томлений и ожиданий конца этого гребаного лета. Я мечтал вернуться домой, увидеть маму, Гарика, пройтись по родным улицам, подышать тем, своим воздухом, который в корне отличался от этого. Чужой воздух душил меня, не позволяя ни на миг забыть, где я нахожусь.

Я тогда осознал, что остро нуждаюсь в компании. Не в пустом окружении, а именно в том человеке, который захочет быть рядом со мной. С которым захочу быть я. С кем мне будет уютно и спокойно. Кто заполнит пустоту и избавит от одиночества.

Каждую ночь, когда все засыпали, я поднимался с койки и тихонько шел к окну, чтоб меня не услышала Матвеева или Галина Николаевна из комнаты дежурной воспитательницы. Я старался вставать еще до наступления темноты, а летом, как известно, солнце заходит намного позже, чем в другие времена года. И смотрел вдаль через два пыльных стекла, в котором иногда мог видеть свое собственное отражение. Протирал его рукавом пижамы и всматривался в догорающие огоньки уходящего вечера на горизонте. Только с одной стороны здания виднелось длинное, чуть ли не бескрайнее море зеленой травы с редкими островками-кустиками, а с обратной расстиралась лесополоса, раздираемая грубой грунтовой дорогой, изрядно размываемой водой в дождливые дни.

Лишь спустя пару часов, когда слез в глазах больше не оставалось, я возвращался в койку и почти сразу засыпал.

Так проходил каждый мой день.

Но иногда бывали и светлые деньки.

Как-то утром меня разбудила Матвеева и сказала, что ко мне приехали гости. Я так обрадовался, хотя и не имел представления, кто бы это мог быть. Мне очень хотелось, чтобы тем самым гостем оказался Гарик, но был не менее рад увидеть на заднем дворике Джилл, сидя-

щую на поваленном бревне. Она единственная, кто приехал ко мне за две недели моего пребывания в лагере.

– Санни, малыш! – поднимаясь, выкрикнула она, заметив меня на ступеньках, еще сонного.

Я снял очки и стал потирать глаза, чтобы удостовериться, что мне не привиделось. И хоть о своей радости я ничего не сказал, на моем лице все эмоции четко читались. Не уверен, что меня поразило больше: ее внезапный визит или блеск ее новенького мундира, выданный ей новоиспеченной полицией, переименованной в феврале того года. Нет, я, конечно же, понятия не имел, что такое полиция и какие там реформы принимались на тот период. Для меня ее служба всегда была чем-то супергеройским. И сияние строгих черных туфель в рассветном солнце, подкрадывающемся с горизонта, брюк, облежавших ее изумительную фигуру, затянутую в широкий кожаный ремень с толстой бляхой, для меня казались исключительной вершиной достоинства человека, служившего своей стране; а также лоск темно-синей фланелевой рубашки с погонами неизвестного мне звания. Знаю только, что она была не рядовым служащим, но и не майором каким-нибудь или полковником. Кажется, следователем. Честно говоря, меня это никогда не интересовало, потому я и не пытался разузнать.

– Ну как ты здесь? – спросила Джилл, присев передо мной на корточки.

Она так крепко обняла меня и прижала к себе, что у меня даже дыхание перехватило. Но я готов был больше не дышать и вовсе, только бы она не отпускала. Я понимал, что стоит ей уехать, а это непременно случится уже скоро, ко мне вернется все то же уныние и одиночество, так сильно сковывающее изнутри.

– Ты заберешь меня отсюда? – со слабой надеждой в голосе спросил я, хотя и был совершенно уверен, что это невозможно. Но и не спросить не мог.

– Я тебе фруктов привезла и сладостей, – отвечала Джилл, будто и не услышала моего вопроса. Но она слышала ведь. – Вот, смотри. Ты же любишь их, не так ли, малыш?

– Да, люблю.

– А я была здесь проездом, недалеко. Вот и решила заехать, наведать тебя, узнать, как ты поживаешь. Хотела...

– Мне здесь плохо! – Неожиданно для нас обоих, я взорвался рыданиями. – Я хочу домой. Никто меня не понимает. Мне плохо. Забери меня домой...

– Санни, послушай. – Джилл громко вытолкнула воздух из легких и присела на бревно, хлопывая по нему ладонью рядом с собой. Когда я забрался на него, она продолжила: – Твоей маме очень нелегко сейчас, понимаешь? Твой... твой отчим не тот человек, который будет заботиться о вашем благополучии, но он хотя бы дает крышу над головой и... Мне жаль, правда жаль, что тебе приходится торчать здесь, но это чуть ли не единственная возможность держаться на плаву. Пока ты здесь, Таня может больше работать, чтобы поскорее собрать деньги на...

Мне кажется, она даже не знала, на что мама пытается скопить деньги, а половина из сказанного ею была чистой импровизацией. Но я твердо знал лишь одно: Джилл не стала бы мне врать без причины. Она просто не понимала, каким еще способом можно успокоить восьмилетнего мальчика, который по-детски устал от горького и всепоглощающего одиночества, ребенка, которому совсем не место в этом лагере. За которого все решили заранее. А Джилл... Она всего лишь заботилась обо мне, всегда, бескорыстно, не ожидая ничего взамен. Она была мне одновременно и подругой, и жилеткой, и второй мамой, как и самой сильной опорой. Наравне с Гариком. В детстве я все это воспринимал как данное – пускай и не осознавал всей сути, но старался не злоупотреблять ее добротой и относился к ней искренне и взаимно; насколько мне тогда казалось это возможным с моим уровнем осознания своего окружения.

Будь у нее свои дети, возможно, она бы и смогла найти более подходящие слова для беседы со мной, чтобы объяснить, почему я вынужден находиться здесь, в чужом для меня

месте, с чужими людьми и без возможности все это прекратить. Но и будь я хоть чуточку старше, то понял бы все без лишних объяснений. Кажется, фраза «не в то время и не в том месте» к этой ситуации подходит как нельзя лучше.

В тот день я узнал, что мама с отчимом привезли меня на лето в бесплатный санаторий, потому как жить стало почти не за что, нужно было зарабатывать на еду, а следить за ребенком некогда – оба должны работать, хотя в действительности ради этой цели старалась только мама. Но понял я это лишь спустя годы, когда стал постепенно узнавать, что такое жизнь и как с ней бороться.

Мы еще посидели немного, поговорили. Точнее, говорила Джилл, а я вытирал покрасневшие от слез глаза под очками и тихонько всхлипывал.

Вскоре воспитательница позвала меня к завтраку. Все дети уже поднялись, оделись и умылись, ожидая разрешения ворваться в столовую и налететь на чай с заварными пирожными. Джилл провела меня внутрь, передала сменившей ночную дежурную Матвееву воспитательнице, имя которой я так и не смог запомнить, и попросила проводить ее к управляющей зданием санатория Валентине Федоровне. Лишь напоследок присела рядом со мной, обняла, поцеловала в висок и сказала, что постарается еще как-нибудь заглянуть.

Я стоял в прохладном утреннем коридоре, устеленном разноцветной кафельной плиткой, в тапочках и пижаме, с пакетом фруктов и конфет в руке. Чего-то ждал, смотрел на суетившихся детей, пытающихся дотянуться до окошка в двери, ведущей на пищеблок, заглянуть внутрь и узнать, чего прячут за этой непреодолимой для них преградой. Думал о том, что осталось еще каких-то несколько мгновений – и мне придется вновь вернуться в ту же звенящую смехом комнату, в которой, казалось бы, нет недостатков. Но она мне была крайне омерзительна.

Я наблюдал за движением губ Джилл, время от времени изгибающихся в улыбке перед лицом Валентины Федоровны. Они оживленно разговаривали, кивали головами, а затем пожали друг другу руки. Моя подруга, мой личный герой и спаситель передала управляющей визитку со своим номером телефона, сообщив, что та может звонить в любое время, если что-нибудь случится или вдруг возникнут вопросы или трудности. И я был уверен, что это исключительно ради меня. Это вселило некую надежду и придало мне сил.

Следующие несколько ночей я действительно спал намного лучше, чем неделю до визита Джилл. Мне удавалось уснуть почти без лишних, терзающих мыслей. Но вскоре я снова каждую ночь стоял у окна и смотрел через стекло, пытаюсь выискать за ним новые узоры, выдаваемые мне воображением, созданные искажением плохого зрения – очки лежали на прикроватной тумбе, – пока вид на поле не сменялся моим собственным размытым отражением, койками и сопящими в них товарищами по сомнительному счастью оказаться в детском летнем лагере «Жемчужный».

В одну из таких ночей, думаю, ближе к полуночи, как мне кажется, я услышал странные звуки, которых точно не должно было быть в это время суток. Все ребята, кроме меня, уже спали, но я отчетливо слышал приглушенный то ли детский смех, то ли плач. Звук искажался расстоянием и преградами. Доносился откуда-то издалека. Я осмотрелся вокруг, в очередной раз убеждаясь, что все спят и ни одна койка моих соседей не пустует, и пошел босыми ногами на звук.

Я почему-то и не подумал, что его могли услышать и все остальные или, по крайней мере, дежурная. Ее комната пускай и находилась в самом конце коридора, но двери всегда были распахнуты и свет никогда не гасился.

Я неслышно приоткрыл дверь нашей спальни и выглянул в наружу. Из комнаты дежурной звучала едва слышная музыка – она слушала радио или какую-то кассету на проигрывателе, – но ее перебивал мягкий детский голосок. Явно с верхнего этажа. Он что-то говорил, но я не мог разобрать слов. И решил подкрасться ближе. Я шел осторожно. Не хотел оступиться и

издать какой-либо шум, иначе точно бы получил серьезного нагоняя, сначала от дежурной, а затем и от управляющей.

Когда я подошел к лестнице, голос ребенка стал более отчетливым. Он звал меня по имени, хотел, чтобы я поднялся к нему и поиграл с ним. Я слышал звуки ударяющегося об пол мяча, а мальчик все говорил:

– Санни, мне скучно. Поиграй со мной. Мне так одиноко. Никто ко мне не приходит. Поиграй со мной, пожалуйста, Санни.

Я вновь посмотрел в конец коридора, на яркий размытый свет флуоресцентной лампы в комнате дежурной. Там по-прежнему играла тихая музыка.

– Санни, – снова послышалось сверху, – приходи ко мне. Со мной весело, вот увидишь. Тебе больше не будет грустно и одиноко. Я буду с тобой дружить.

Откуда он знает мое имя? Я не помню, называл ли его кому-нибудь из гостей санатория. Но если он знает мое имя, значит, знает и меня. Как и то, насколько мне тоскливо в этом месте.

– Санни, скорее, – все зазывал меня мальчик.

Я услышал удаляющиеся звуки прыгающего по полу мяча и детский смех. Подумал, что там действительно весело. И шагнул на первую ступеньку, ведущую на третий этаж, лишь в последний раз бросив осторожный взгляд по направлению комнаты дежурной.

Я прошел под лентой и поднялся наверх. Чистый пол второго этажа сменился пыльным, густо затянутым паутиной коридором, уходящим далеко в темноту. Мне стало страшно, потому что я ничего не видел перед собой. Где же мальчик, который звал меня, подумал я и несмело подал голос:

– Эй?

Несколько секунд я ничего не видел, кроме всепоглощающей тьмы, затем из-за двери одной из комнат вышел мальчишка. Лица его я разглядеть не смог – очки я так и оставил на тумбочке в спальне, – но создалось впечатление, будто он напихал фонариков за пазуху. Его футболка и штанишки излучали яркий свет, озаряющий пустынный коридор. Мальчик склонил голову набок и махнул мне рукой, приговаривая:

– Иди сюда, у меня здесь весело. Тебе понравится.

Мне стало интересно, что он может делать тут в такое время и откуда у него фонарики. Чем он таким занимается, что даже воспитатели не знают. Он ушел тайком и забрался сюда один? Что он задумал?

И я шагнул в темноту, идя на яркий свет. Теперь я видел, куда идти. Видел перед собой свет и больше не боялся.

– Дай мне руку, – говорил мальчик, протягивая свою ладонь.

Она светилась точно так же, как и его одежда. Как же он это делает? – думал я.

– Дай и мне эти фонарики, – сказал я и ускорил шаг. – Дай и мне. И я хочу, – сказал я еще громче, уже протягивая к нему руку.

И мальчик потянулся ко мне навстречу.

Наши ладони почти соприкоснулись.

Я уже ощущал тепло, исходящее его светом, падающим на мои пальцы.

Я коснулся его руки.

И все вдруг померкло...

Глава 4

Каким может сложиться мнение о человеке у психолога – пускай он и выбрал профессию, в которой ему приходится ежедневно выслушивать рассказы о чужих проблемах, – когда он познакомится со всеми тараканами, населявшими голову этого бедолаги-повествователя? Как он будет смотреть на пациента, когда каждому из этих паразитов пожмет руку, сперва втираясь в доверие, а затем скажет, что готов взяться за психологический дихлофос, чтобы самолично вытравить всех до единого, даже если придется и камня на камне не оставить после себя?

Меня заверили, что отныне общение приобретает дружеские ноты, потому можно говорить все приходящее на ум. И я ощутил это, но по мере того, как вливал в уши девушке свою историю, уверенность меня постепенно оставляла. Я начинал сомневаться, правильно ли делаю, исповедуясь ей. Что она будет думать, глядя на меня, когда узнает всю историю? Отстранится? Пожалеет? Прогонит, сказав, что лечить подобные расстройства не в ее компетенции?

Мне снова стало страшно.

Но нашу беседу – не знаю, к счастью или к горю – в тот день прервали. Точнее, мой монолог. Ирина Сергеевна смиренно, как и подобает хорошему психологу, в чем мне еще предстояло убедиться, слушала и не перебивала меня никакими вопросами и замечаниями. Не спрашивала о моем состоянии, хотя, как мне кажется, я его достаточно красочно передал, как и о поведении воспитательниц, которые должны были более скрупулезно относиться к своей работе. Просто слушала и кое-что конспектировала в блокнотик. Записывать все у нее не было никакой необходимости, потому что каждое мое слово и эмоцию пеленговал диктофон.

В дверь постучались. Пришлось заткнуться. Хотя, сказать честно, от этого я испытал какое-то облегчение даже. Эдакая передышка, позволяющая в должной мере осознать, что я подошел к черте и правда выложу всю эту грязь перед другим человеком; как и возможность понять, насколько сильно стоит открываться, а то завелся и погнал бездумно нести чушь – так мою историю назвал бы любой здравомыслящий человек. Так мне, по крайней мере, казалось.

Затем выслушал извинения ввиду какого-то неотложного дела. Напоследок мы договорились встретиться на следующей неделе, в субботу, в четыре часа вечера. И меня это полностью устроило – неделя на размышления. Ирина Сергеевна хотела услышать финал моей истории, а я – избавиться от жгучего желания его рассказать. Значит, было время, чтобы подготовиться.

На том мы и попрощались.

Она выпроводила меня за дверь, улыбнувшись, как близкому другу, и тут же переключила внимание на белокурую гостью с какими-то картонными папками в руках. Перелистывая многочисленные бумаги, она бросила на меня последний взгляд и погрузилась в работу, а я покинул здание и вышел на ярко освещенный полуденным солнцем тротуар и пошагал к автобусной остановке.

Осень в этом году слишком быстро наступала, сменяя зелень на земле и закаты в небе сплошной ржавчиной. Я надеялся, что смогу наслаждаться теплыми деньками еще хотя бы месяцок, но уже теперь по утрам приходилось надевать кофту, прячась от промозглого ветра. Каждый следующий год все сильнее удивлял своей странностью: лето становится короче, а зимы слякотными и лишенными снега, напоминающими раннюю весну, когда утром асфальт покрыт коркой льда, а к обеду негде ступить, чтобы не погрузиться в кашу из грязи и талого снега по щиколотки.

И люди вокруг все злее и противнее становятся.

А еще этот коронавирус, знаете же? Да кто о нем не слышал в современном мире... Он всех в той или иной мере достал! У нас хоть масочный режим отменили, отчего стало проще понимать эмоции на лицах. До этого живое общение превращалось в нечто похожее на переписку стариков в интернете, где нет ни единого проявления чувств – сплошные сухие слова,

которые следует воспринимать именно так, как они были произнесены, не предполагая наличия юмора, доброты или даже какого-либо сарказма. А я не представляю своей жизни без последнего, вот правда. Да что там старики... Я даже с мамой иногда не могу нормально поговорить. Не знай я, как она на самом деле ко мне относится, то ее безэмоциональные сообщения в духе «тебе бы девушку найти» или «вы снова просидели весь день в комнате, не выходя на свежий воздух?» могли бы ввести в заблуждение. Такое вполне можно было расценить как упрек или даже оскорбление, а не заботу, чем оно на самом-таки деле и является.

В попытке заглушить поток мыслей я надел беспроводные наушники и нажал «Play» на экране телефона. Маленькие, но амбициозно мощные динамики тут же принялись вколачивать мне в уши суровый гроулинг вокалиста группы Set for Tomorrow, вопящего что-то нечленораздельное из своей композиции «The New Narrative», так идеально подходящей под мое теперешнее эмоциональное состояние. А следом за ней «Ghost of Me» от UNI/VS, сопровождаемое не то звуками губной гармошки, не то какого-то саксофона. Честно сказать, я совсем не разбираюсь в духовых, но подобное сочетание в этом музыкальном направлении хоть и кажется неоднозначным и даже странным, тем не менее, как раньше, так и сейчас сослужило моей душе роль подорожника. Вот так, да – музыка на меня оказывает не абы какое влияние. И если мои любимые жанры расшатывают психику обычного человека, то мою же они врачуют.

Я решил не ехать. Водитель автобуса распахнул передо мной створки дверей, повел плечами и что-то сказал, когда я просто развернулся и пошел по направлению студгородка. Путь неблизкий, но торопиться мне оказалось совершенно незачем и некуда. Было как никогда приятно пройтись в одиночестве и подумать. Нет, не о чем-то конкретном даже. Атмосфера захлестнула, вот и все. И я шел по малознакомым улицам, потупив взгляд, изредка осматриваясь, чтобы не забрести куда не надо. Вскоре начало темнеть – в этом году осень пришла не по календарю рано. Рядом лениво проплывали машины, обливая меня волнами света фар. У подъездов, на скамейках, зажимались влюбленные парочки, совсем не обращая внимания на прохожих. Вечерние тона подминали под себя город...

– Я думал, ты уехал, – снимая один наушник, с ухмылкой проговорил Гарик, когда я открыл дверь нашей комнаты в общежитии.

Он лежал на кровати. Все как всегда: завернулся в покрывало и обложился подушками, ковыряясь в телефоне и слушая музыку. В список его любимых занятий не входил никакой из видов спорта или, например, посещение картинных галерей. Он либо валялся здесь, либо сидел на скамейке около здания, украдкой заглядывая под юбки проходящим мимо и поднимающимся по ступенькам первокурсницам – это по дню, пока не началась учеба. Вечера он проводил в компании пива и нескольких других товарищей, которые не прочь скоротать время в баре с чипсами и картами. Иногда зависал на квартире у одного из местных одноклассников. Не все снимали комнаты в общежитии, и в этом вся прелесть студенческих лет: никакого надзора комендантов, проверок на наличие спиртного или посторонних лиц, как и трудностей с тем, чтобы выйти на перекур.

– Автобус сломался, – солгал я. – Решил, что это знак, который нельзя игнорировать.

– Итак. – Гарик сел на кровати и стянул со лба капюшон своего худи. – Тридцатое августа. Суббота. Ты никуда не поехал. Ты же понимаешь, к чему я клоню? Планы меняются, дружище! И очень стремительно. Ты с нами или как всегда?

Я прекрасно понимал, к чему он клонит. Десять минут назад я совершенно не думал в этом направлении, пытаясь избавиться от визуализации предстоящего сеанса психотерапии. Точнее говоря, продолжения знакомства и завершения своей, мать ее, душещипательной истории. Когда мы с Ириной пили чай, я ощутил необходимость выговориться. А потому заимел план в тот же день решить для себя, стоит ли продолжать наше общение и развивать его, чтоб это ни значило: дружба или лечение. Может, моя проблема на самом деле незначительна и не стоит о ней даже заикаться кому-либо? Черт его знает... И не узнает, пока не попробует. Я

хотел уже в тот день получить ответ на этот вопрос, но не вышло. Долбаная тетрадь с папками! И что там такого важного было, что пришлось прервать сеанс? Так ведь нельзя. Это неправильно. А теперь мне придется еще неделю ходить с этой мыслью, имею в виду финал истории. Прошел азарт, запал улетучился. Только я уже совсем не уверен, что оно мне нужно!

Почему все так?

– Знаешь, – начал я, поправляя очки, – а я очень даже за! Когда выдвигаемся? Хочу надраться как следует. А завтра отдохнем. И тогда уже на учебу, с новыми силами. Или похмельем...

Я решил именно таким образом заставить себя прекратить терзаться тем, что не имеет смысла – переживаниями. Будь что будет, а дальше посмотрим.

– Ну... – Гарик заглянул в экран телефона. – Если ты не планируешь обедать, – или как это называется, когда еще день, а за окном уже не похоже? – то можешь идти собираться. А я пока пойду позвоню мелкому, чтоб ждал нас пораньше.

– И в «Пятерочку» еще зайти бы... – сказал я Гарику вдогонку, но он уже вышел из комнаты.

Я подошел к столу, на котором лежало несколько учебников на третий курс – готовился к предстоящему семестру. Постоял, подумал минуту, затем собрал их в стопку и отложил на край, под выключенную лампу. С ними придется повременить ввиду намеченных на этот вечер планов.

Фотография над столом, приколотая кнопкой к обоям, напомнила мне, что я так и не позвонил маме и не предупредил, что не приеду ни на этой неделе, ни на ближайших последующих. Не хотелось ее огорчать, но еще больше – заставлять переживать. Она всегда улыбается мне со снимка, обнимая меня за плечи. Ее глаза светятся добротой и любовью. И это греет.

Я выглянул в окно. Гарик, опершись кроссовкой на скамейку, завязывал шнурки, в то же время прижимая телефон к уху плечом.

Достал свой «Сяоми» и нашел в контактах маму, поколебался еще с минуту и нажал вызов.

Но в трубке услышал баритон Руслана.

– Где мама? – не здороваясь, спросил я. В моем голосе в тот же миг появилась раздраженность.

– А тебе что до нее? Уехал из дома, обещал приезжать чаще. Ради твоей матери, между прочим! Но забиваешь болт. А раз так, значит, и не лезь сюда больше.

– А ты чего распоряжаешься моими решениями, как своими? Где мама, еще раз спрашиваю?

– Слушай сюда, сосунок...

– Да пошел ты на хрен, гандон лысый!

Но эти слова не дошли до адресата, уведомив меня об этом короткими быстрыми гудками. А на экран вылезло спасительное сообщение о недостатке средств на балансе. Оно и к лучшему. Мало ли что мог учудить отчим в пьяную отместку за грубость пасынка. Я и сам тут же пожалел о сказанном, а для понимания, что эти слова явно лишние, нужно было произнести их именно вслух, как я и сделал, только, видимо, самому себе.

– Прости, мам...

Еще и на баланс забыл положить, клоун. И это перед поездкой.

В сердце защемило. Ко всему прочему, я теперь еще и о маме переживал. А к этому прибавилось и ощущение, что об меня вытерли ноги. Гребаный отчим. Будь у меня возможность, я бы не уезжал вовсе, зная, на кого оставляю единственного родного человека. Или хотя бы старший брат... Я понимаю, что со своим телосложением я ничего не сделаю хоть и бывшему, но военному. Пусть и скатившемуся к попойкам. А вместе с братом мы бы смогли его «уго-

ворить» оставить в покое маму и уехать куда-нибудь, например в лес. В багажнике машины одного из родителей какого-то более богатого одноклассника.

Выключил на телефоне звук, разделся и пошел в душ.

– Я думал, ты уже готов к «заплыву», а ты только заканчиваешь свои утиные истории. Давай резче! Через полчаса нас будут ждать на двадцать третьем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.